

ЛИКА МОРТИС

СМЕРТНАЯ ДЛЯ АИДА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ли́ка Мортис
Смертная для Аида

«Автор»

2026

Мортис Л.

Смертная для Аида / Л. Мортис — «Автор», 2026

Она видит мёртвых. Он — владыка царства мёртвых. Их союз может разрушить всё, что строилось три тысячи лет. Либицина — обычный библиотекарь с необычным даром: она чувствует души умерших и слышит их голоса. Она привыкла скрываться, считая себя изгоем. Но однажды к ней приходит тот, кто не должен существовать в современном мире. Аид, бог Подземного мира, делает ей предложение, от которого невозможно отказаться: стать новой царицей мёртвых. Цена? Свергнуть Персефону, пройти три смертельных испытания и навсегда связать свою судьбу с властелином, который уже однажды заменил свою жену — и те претендентки не выжили. Либи оказывается в эпицентре войны двух богов. Её дар становится оружием, её сердце — разменной монетой. Но когда Аид встаёт между ней и проклятием, она понимает: иногда смертная может изменить даже подземное царство.

© Мортис Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Лица Мортис

Смертная для Аида

Глава 1

Глава первая

Дождь над Афинами лил уже третьи сутки, словно само небо хотело смыть с города память о лете. Серая вода стекала по мраморным ступеням университетской библиотеки, собираясь в лужи, в которых отражалось тусклое осеннее небо — без единого просвета и намёка на солнце.

Я стояла у окна на третьем этаже и тупо смотрела, как капли разбиваются о стекло. В руке — чашка кофе, который давно остыл, но выбросить жалко. Вокруг тишина читального зала, запах старой бумаги и пыли, шелест страниц из соседнего крыла. Привычный мир. Безопасный. Скучный до зубной боли.

— Либитина, вы опять здесь до закрытия?

Голос охранника Димитриса прозвучал из-за спины мягко, почти по-отечески. Он всегда называл меня полным именем, хотя я просила этого не делать. Либитина — слишком тяжёлое имя для девушки, которая предпочитает оставаться незаметной.

— Хочу закончить главу о хтонических культах, — ответила я, не оборачиваясь. — Димитрис, вы никогда не задумывались, почему древние так боялись богов подземного мира?

Он хмыкнул, поправляя форменную фуражку.

— Я боюсь только налоговой инспекции. А боги... — он махнул рукой, — молодёжь сейчас в приложения больше верит, чем в Зевса с Аидом.

— Аид, — тихо повторила я, проводя пальцем по запотевшему стеклу. — Бог мёртвых. Владыка тех, кто уже ни на что не надеется.

Я провела пальцем по запотевшему стеклу — на стекле остался прозрачный след.

И в этот момент всё изменилось.

Знакомое чувство ударило в затылок, пробежало по позвоночнику. Холод. Присутствие. Кто-то стоял прямо за моей спиной.

Это точно был не Димитрис — тот уже ушёл, его шаги затихли в конце коридора. Кто-то другой. Холодный, тяжёлый, давящий на сознание.

Я не обернулась, потому что знала это чувство слишком хорошо. С детства. Когда в комнате вдруг становилось на десять градусов холоднее, когда воздух сгущался, и тишина обретала вес. Мать говорила — у меня богатое воображение. Врачи — мигрени. Школьные психологи — последствия ранней потери отца.

Но я знала правду. Я видела мёртвых. А они видели меня.

Впервые это случилось в детстве. Мне тогда было семь.

Мы с папой собирали ракушки на пляже, он обещал, что из самых красивых мы сделаем ожерелье для мамы. Солнце обжигало плечи, песок лип к мокрым коленкам, а папа смеялся, когда я пыталась поднять здоровенный плоский камень, под которым, по моему убеждению, прятался осьминог.

— Либитина, — его голос звучал так тепло, что хотелось завернуться в него, как в плед. — Даже Гераклу не поднять такое в одиночку. Давай помогу?

Он присел на корточки рядом, и его большие ладони легли поверх моих маленьких. Камень поддался, обнажив лишь россыпь крабов и тёмную влажную пустоту.

— Разочарование номер один, — подмигнул он. — Но зато посмотри, какая жемчужная раковина!

Он протянул мне перламутровый завиток, и я, замороженная переливами, не сразу заметила его.

У кромки воды, там, где пена последних волн встречалась с сухим песком стоял мужчина. Он был мокрый, с волос стекала вода, но не капала на песок — просто исчезала в воздухе за пару сантиметров до земли. Лицо — бледное, размытое. Он смотрел прямо на меня. Не на папу, не на море — на меня.

Я ткнула пальцем:

— Папа, кто это?

Папа проследил за моим жестом, нахмурился, глядя на пустое место.

— Там никого нет, солнышко. Тебе показалось.

Но мужчина не исчез. Он сделал шаг вперёд. Открыл рот, но я не услышала слов.

Меня бросило в дрожь. Зубы застучали, хотя солнце всё ещё пекло макушку.

— Папа! — я вцепилась в его руку. — Он там! У воды! Почему ты его не видишь?

Папа присел передо мной на корточки, взял моё лицо в ладони. Его кожа была тёплой, живой.

— Тише, Либитина. Там только волны. Ты перегрелась на солнце, вот и мерещится всякое. Пойдём к маме, выпьем холодного лимонада.

Он обнял меня, прижал к себе, и от запаха его рубашки — смеси соли, солнца и чего-то неуловимо родного — страх немного отступил. Я оглянулась через его плечо.

Мужчина всё ещё стоял там. Он не улыбался. Не злился. Он просто ждал. А потом медленно поднял руку и указал пальцем куда-то за спину. Туда, где, как я знала, начинался крутой спуск к скалам.

Папа вёл меня прочь, напевая какую-то весёлую мелодию, но я всё оборачивалась. Мужчина исчез. Вместо него на песке остались только странные следы — не отпечатки ног, а будто углубления, заполненные мерцающей пылью. Через минуту и они растаяли, слившись с влажным песком.

В тот вечер я впервые услышала от мамы фразу: «У тебя слишком богатое воображение, Либитина». В тот вечер я впервые поняла: то, что я вижу, не видит больше никто. А ещё — что папа, самый сильный и всезнающий человек на свете, не может меня от этого защитить.

И когда через три месяца его лодка не вернулась из моря, я почему-то не удивилась. Я просто знала: он теперь там, по ту сторону.

Воспоминания растаяли, оставив после себя знакомый привкус горечи. Я сглотнула, возвращаясь в реальность. Чувство холода, давящей тишины и сгустившегося воздуха никуда не делось. Оно лишь напомнило: дар, который я унаследовала, не спрашивает, хочу ли я его нести. Он просто есть. И он снова зовёт меня туда, куда я так боялась заглянуть.

— Я ничего для вас не могу сделать, — произнесла я ровным голосом, глядя в окно, где в отражении, поверх моего собственного бледного лица, уже проступал чужой силуэт. Мужской. С расплывчатыми чертами, будто кто-то пытался нарисовать портрет мокрой кистью.

— Я не экстрасенс, и не медиум. Я просто библиотекарь. Идите к свету или куда вы там должны идти.

Фигура не уходила.

Вместо этого холод усилился и в меня хлынуло чужое чувство — такое огромное, что перехватило дыхание.

Отчаяние. Чьё-то древнее отчаяние, пролежавшее в земле тысячелетия и не нашедшее покоя.

— Пожалуйста, — прошептала я, сжимая чашку так, что она чуть не треснула. — Пожалуйста, уйди. Я не могу тебе помочь.

И тогда случилось то, чего раньше не случалось никогда.

Мёртвый заговорил.

Голос был не звуком, а мыслью, словно вдавленной прямо в моё сознание, как печать в сургуч.

— *Не мне. Ей. Помоги ей!*

Я от неожиданности разжала пальцы, и чашка упала на пол разлетевшись на осколки. Кофе тёмной лужей растёкся по кафелю, напоминая кровь.

Я резко обернулась.

Никого.

Остывший воздух медленно нагревался, возвращаясь к обычной осенней температуре. Пустой коридор с выключенными светильниками. Только я, стоящая посреди разбитой керамики, с бешено колотящимся сердцем.

«Помоги ей».

— Кому? — спросила я в пустоту, и мой голос прозвучал хрипло, почти испуганно.

Ответа не последовало.

Простояв так несколько минут, я прислушивалась к себе — к тому внутреннему чутью, которое никогда меня не обманывало. Присутствие ушло. Мёртвый, нарушивший все мыслимые правила, явившийся не ночью в спальню, не на кладбище, а в разгар дня в публичной библиотеке, исчез так же внезапно, как и появился.

Я медленно опустилась на корточки и начала собирать осколки. Руки дрожали. Ненавидела эту дрожь, ненавидела свою слабость, ненавидела дар, о котором никогда не просила.

Осколок порезал палец. Выступила алая, живая капля крови. Я смотрела на неё, и в голове крутилось одно прилагательное, выплывшее из глубин памяти, из тех самых древних текстов, которые я изучала последние три года.

Хтонический.

Боги земли. Боги подземного мира. Боги, которые не прощают и не забывают.

Заклеив порез пластырем из аптечки в подсобке, я собрала осколки, вытерла кофе. Димитрис, вернувшийся проверить, из-за чего шум, нашёл меня сидящей за столом с раскрытой книгой и делающей вид, что ничего не случилось.

— Либитина, что случилось? Вы бледная. Выпейте воды.

— Всё в порядке, Димитрис. Я просто устала.

Он не поверил, но спорить не стал. Только оставил на краю стола бумажный стаканчик с холодной водой из кулера и ушёл, качая головой.

Я ждала, пока его шаги стихнут окончательно. Потом закрыла книгу — труд «Погребальные культы Греции: от микенской эпохи до римского завоевания» — и убрала её в рюкзак. Рука на секунду замерла над другой книгой, которую я держала в личном шкафчике: потрёпанный томик, изданный в начале прошлого века, без автора, с названием, написанным от руки на первой странице.

«О родах, хранящих кровь богов».

Я не знала, откуда эта книга появилась в фонде. Не знала, почему никто кроме меня её не замечал — за десятилетия никто не брал её, не ставил на учёт, не требовал вернуть. Она просто лежала на дальней полке секции редких рукописей, покрываясь пылью, пока я случайно не наткнулась на неё три года назад.

В тот день я впервые прочитала слова, которые запали мне в душу.

«Есть среди смертных те, в чьих жилах ещё течёт кровь древних. Не богов Олимпа — богов более старых, более тёмных, связанных с землёй и тем, что под ней. Род этот проклят и благословлен: они видят то, что скрыто, и чувствуют то, что умерло. Им нет места среди живых, но они нужны мёртвым. Век их короток, ибо дар сжигает их изнутри, но в каждом поколении рождается одна — единственная — кто может стать мостом между мирами, если найдёт того, кто проведёт её через врата».

Я захлопнула книгу и сунула её в рюкзак поверх академического труда. Я не верила в богов. Не верила в кровь древних родов, в предназначение и уж тем более в мосты между мирами. Я верила только в то, что видела своими глазами: мёртвых, которые приходили ко мне с незапамятных времён, и в то, что никто из живых не мог мне объяснить, почему.

Иногда мне казалось, что я сошла с ума. Что всё это — галлюцинации, порождённые одиночеством и слишком большим количеством прочитанных книг. Но тогда я смотрела на свои записи — десятки тетрадей, исписанных мелким почерком, где были описаны каждое явление, каждая тень, каждое слово, сказанное мёртвыми — и понимала, что безумие не может быть таким системным.

Я выключила свет в читальном зале, спустилась по лестнице, миновала пустой вестибюль. Дождь за окнами усилился, бил в стёкла так, будто хотел их разбить. Выходить под него не хотелось, но ночевать в библиотеке Димитрис не разрешал — говорил, что начальство против.

— Доброй ночи, Либитина, — крикнул охранник из своей будки. — Дождь переждёте под козырьком, я свет включу.

— Спасибо, Димитрис. До завтра.

Я стояла под узким навесом у входа, глядя, как потоки воды заливают пустую улицу. Город спал — или делал вид, что спит. В двух кварталах отсюда горели огни круглосуточного кафе, но идти туда не хотелось. Хотелось домой, в маленькую квартиру на первом этаже, где меня ждал кот Плутон и стопка непроверенных студенческих работ.

Плутон. Я усмехнулась, вспомнив, как ветеринар удивлённо поднял бровь, когда я назвала кота именем римского бога подземного царства. «Не самое счастливое имя для питомца», — заметил он. Я тогда не стала объяснять, что кот сам выбрал — отзывался только на него, игнорируя все другие варианты.

Ветер переменился, и дождь начал хлестать под навес. Я отступила ближе к двери, прижимая рюкзак к груди. И в этот момент я почувствовала снова.

Но не мёртвого. Кого-то живого. Настолько живого, что это обжигало, как прикосновение к открытому пламени. Энергия, сила, присутствие — слова рассыпались, не в силах описать того, что вдруг заполнило собой всё пространство. Будто кто-то зажжёт солнце посреди ночи. Будто земля под моими ногами стала тоньше, и сквозь неё проглянула бездна.

Я замерла.

Из темноты дождя вышел мужчина.

Высокий, массивный, в чёрном пальто, он держался так, будто дождь был милостью, а не неудобством. Он не торопился, не шурился от капель, не прятал голову под воротник. Просто шёл, а дождь расступался перед ним.

Я знала это чувство. Знание, которое идёт не через логику, а через кожу, через внутреннюю дрожь, через тот самый дар, который забился в моей груди, как птица в клетке.

Я узнала его. Видела его в книгах. На фресках. На барельефах древних храмов, которые изучала по фотографиям в архивах. Узнала не чертами — узнала тем, чем он был. Тем, что мир вокруг него менялся, подчинялся, замирал в благоговейном ужасе.

Он подошёл к фонарю, и свет скользнул по его лицу — медленно, как чей-то жадный взгляд.

Лицо мужчины было высечено из того материала, из которого делают статуи, когда хотят, чтобы смертные замерли, но не от страха, а от желания. Каждая линия — словно удар резца. Подбородок с едва заметной ямочкой — единственная мягкая черта, и к ней безумно захотелось прикоснуться губами. Провести языком. Запомнить вкус. Нос — прямой, греческий, совершенный — не отталкивал, а манил: проведи кончиками пальцев от переносицы до губ, он позволит. Потому что за этой каменной красотой тлела жизнь. Тягучая, тёмная, очень древняя — и оттого ещё более опасная. В ней чувствовалась такая власть и сила, что у меня свело низ живота.

Губы его были тонкими, но не жестокими, а чувственными. В их линии читалось обещание. Обещание того, как эти губы будут шептать приказы в темноте. Или прижиматься к шее, к ключице, ниже. Они были бледными в свете фонарей, и когда он слегка приоткрыл их, чтобы выдохнуть, я увидела, что дыхание его не парит на холоде.

Темные длинные пряди волос падали на глаза, но он не убирал их. Ему, казалось, было всё равно. Он точно знал, что мир сам падёт к его ногам. И это равнодушие к собственной красоте действовало лучше любого афродизиака. Но самое страшное и самое прекрасное были его глаза.

Он поднял голову и посмотрел прямо на меня. Сквозь дождь, сквозь свет, сквозь эти несколько метров мокрого асфальта — посмотрел так, будто уже раздевает. Взглядом. Не спеша. Изучая каждую линию. Они были серыми. Не такими как у простых людей — тусклыми, выцветшими, потерявшими цвет от усталости или возраста. Его глаза были другими. Глубокими. Глядя в них, можно было упасть и никогда не найти дна.

В них зияла бездна.

Та самая, что была до первых звёзд. И в этой бездне он. Хозяин. Мужчина, который держал в руках души умерших, но при этом смотрел на меня так, будто я — единственное живое, что он хочет увести за собой. В бездне той клубилось одиночество древнее, чем первый шаг человека, — и от этого одиночества хотелось выть и одновременно отдать себя, потому что такое одиночество можно утолить только телом. А под бездной — в самом низу, там, куда не достать, тлел холодный серебряный огонь, который видел рождение звёзд и горел в сердце Земли. И этот огонь был обращён ко мне.

Он не говорил ни слова. Но я уже знала: если он позовёт — я пойду. Потому что моё тело приняло его ритм раньше, чем разум успел придумать отговорки.

Мужчина остановился в трёх шагах. Дождь не мочил его — капли падали, не достигая плеч, будто натывались на невидимую стену.

— Либитина, — произнёс он низким, тягучим как смола голосом. В нём слышалось что-то древнее, что-то, что не должно существовать в современном мире. — Я нашел тебя.

Я сжала лямки рюкзака так, что побелели костяшки. Сердце колотилось где-то в горле. Разум кричал, что этого не может быть, что боги не ходят по земле в двадцать первом веке, что я просто переутомилась и это галлюцинации.

Но мой проклятый дар молчал. Не кричал об опасности, не сигнализировал холодом и страхом. Теперь он был... спокоен.

— Кто вы? — спросила я, хотя уже точно знала ответ. Только разум отказывался в это поверить. Здравый смысл продолжал настойчиво твердить, что этого не может быть.

Мужчина сделал ещё шаг. Теперь нас разделял только край навеса, с которого капала вода. Он смотрел на меня — и в его взгляде появилось нечто пострашнее угрозы или вождения.

В нем была надежда.

— Ты уже знаешь, — сказал он. — Знала всегда. С первой книги, с первого сна, с первого мёртвого, который посмотрел на тебя и понял, что ты можешь его видеть.

Он протянул руку. Ладонь — широкая, с длинными пальцами — раскрылась, и на ней лежало что-то маленькое, тёмное. Я не сразу поняла, что это гранатовое зерно.

Красное, как кровь от пореза на моём пальце, который вдруг заныл, напоминая о себе.

— Меня зовут Аид, — произнёс мужчина усталым голосом, без гордости или величия. — И мне нужна твоя помощь.

Дождь лил не переставая. Где-то рядом проехала машина, бросив на мокрый асфальт полосу света. Я смотрела на гранатовое зерно, на руку, протянутую ко мне, на лицо бога, которого человечество тысячелетиями боялось называть по имени. Аид

И где-то внутри что-то щёлкнуло. Будто ключ в замке. Будто дверь, которую я не замечала всю жизнь, наконец-то открылась.

— Чего вы хотите? — спросила я.

Аид улыбнулся. В этой улыбке не было тепла — только тьма. Такая старая, что свет казался случайным гостем.

— Я хочу предложить тебе стать царицей.

Ветер стих. Дождь замер в воздухе. Мир затаил дыхание.

Я смотрела

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.